

УДК 821.111(73)

ИМАГИНАТИВНАЯ ОСНОВА ЭСТЕТИКИ У. УИТМЕНА

И.В. Никитина

Нижегородский государственный лингвистический университет

им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород

Понятие «воображение» является ключевым в художественном мире Уитмена – именно концепция воображения поэта составила основу его эстетики. Обусловлено это тем, что мифологизм Уитмена имеет провидческую и пророческую природу, а для пророка дар воображения является определяющим.

Ключевые слова: эстетика, мифотворчество, концепция воображения, У. Уитмен.

Imaginative Framework of W. Whitman's Esthetics

Irina V. Nikitina

Nizhny Novgorod State Linguistics University

Imagination is a key concept in Whitman's artistic world – it is the imagination concept that forms the framework of his esthetics. The reason for that is that Whitman's mythologism is prophetic and visionary in nature, and the gift of imagination is determinative for a prophet.

Key words: esthetics, mythogenesis, imagination concept, W. Whitman.

Америке в эпоху романтизма еще только предстояло – и этому способствовали особенные условия становления американской нации – утверждать национально-исторические образы и символы, создавать свою мифологию. Уитмену, взявшему на себя ответственность за судьбу «американос», пришлось включиться в этот процесс, постичь американское мифосознание и его архетипические опоры, чтобы затем в совершенном виде «Листьев травы» вернуть американцам их мечту. При этом он, конечно, сознавал условность самой ситуации мифотворчества, но, будучи поэтом, всецело принял правила «священных игр искусства» [9. С. 391]. Чтобы придать новой мифологии (этой «игре в искусство») свойства древнего мифотворчества, в творце, как утверждают исследователи мифопоэтики, должна быть вера в сверхъестественное, именно она, как указывает А.Н. Веселовский, поможет преодолеть разрыв между древним и современным поэту сознанием [7. С. 58]. Поэтому неудивительно, что Уитмен оформил свой мифологизм не только на реконструкции ряда свойств мифологического мышления, но и на этой вере:

В сверхъестественном нет ничего необычного, я сам жду, когда придет мое
время и я стану одним из величайших
Мне уготован день, когда я сделаюсь действительно лучшим и начну творить
чудеса;

К вершине моей жизни! Подобаящей уже творцу...¹ [5. P. 66]

Собственно, эти строки можно считать поэтическим выражением эстетического принципа Уитмена: история творения мира и человека в художественном мире «Листьев травы» по замыслу поэта должна быть освящена действием сверхъестественных сил. И действительно, как показало исследование, творческая манера Уитмена – поэта, чьи «уста вещают, а перст указывает»² [5. P. 22], – связана с провидением и пророчеством и соотнесена с имагинативной основой древнего мифотворчества:

Во мне божественное откровение пульсирует и пульсирует, во мне поток и знамение³ [5. P.46].

Известно, что дар воображения для пророка является определяющим фактором избранничества: «Для пророчества нужна не более совершенная душа, но более живое воображение» [8. С. 142]. Понятие «воображение» является ключевым в художественном мире Уитмена – им определяется взаимоотношение эго с миром, характер и суть которого сводятся к афористическому высказыванию Ч. Фейдельсона мл.: лирическое «Я» «говорит о том мире, который видит, и видит мир, о котором говорит» [2. С. 81]. Автор этой лаконичной формулировки, скорее всего, имел в виду следующее: с одной стороны, поэт ощущает свою неразрывную связь с реальным миром («мои ступни – опора, зашипованная в пазы гранита»⁴ [5. С. 42]), с другой – живое воображение поэта устремлено к идеальному, оно не желает быть связано с разумом. И тогда поэт берет не отпускающий его реальный мир в свой полет, проходит с ним, уже представленным в виде символов, в мифологическую реальность, закрывая за собой дверь для грубого рационализма. Иными словами, мифопоэтический аспект творчества поэта находит себе надежную опору в творческом воображении:

Поистине долгую жизнь мы (поэт и его воображение – И.Н.) прожили; спали, совершенствовались, сливались воедино⁵[5. P. 468].

В контексте стихотворения «Прощай мое воображение» (*Good-Bye My Fancy*), строка из которого приведена выше, понятие «воображение» носит у Уитмена сугубо мистический характер и, как будто, предполагает

¹ The supernatural of no account, myself waiting my time to be one of the supremes. (Здесь и далее переводы выполнены автором статьи.)

² ...did you wait for your poet?

Did you wait for one with a flowing mouth and indicative hand?

³ Through me the afflatus surging and surging, through me the current and index.

⁴ My foothold is tenon'd and mortis'd in granite.

⁵ Long indeed have we lived; slept, filter'd, become really blended into one.

аналогию с мыслью немецкого средневекового мистика Мастера Экхарта, называющего воображение силою, с помощью которой душа мыслит [10. С. 51]. Правда, прямого выхода на мысль Экхарта именно из этого стихотворения не следует, несмотря на то, что слово «воображение» в нем является тем словом, ради которого оно и написано. Своеобразное объяснение этому можно найти в уитменовском примечании к стихотворению: «Почему люди, уезжая, бывают так ласковы в прощальных словах <...> эти слова не являются образцами лучших слов, не являются источником энергии...», хотя здесь же Уитмен говорит и о важности прощальных слов: «Но они неизмеримо ценны тем, что подтверждают и одобряют многообразие фактов, теорий и религий всей предшествующей жизни»⁶ [5. P. 453]. Неслучайно С. Брэдли и Г. Блуджетт увидели в стихотворении «Прощай мое воображение» не только продолжение диалога поэта со своей душой, начавшегося в «Песне о себе» (в ее пятой части), но и поддержку размышлениям тогда еще молодого поэта о «поэтическом гении» [5. P. 468]. В «Песни о себе» поэт обращается к душе: «вынь затычку у себя из горла»⁷ [5. P. 29], а затем инсценирует ее ответную реакцию:

И (*Душа – И.Н.*) сорвала рубашку с моей груди, и вонзила язык в мое
обнаженное сердце⁸ [5. P. 29].

Уитменовская инсценировка символизирует здесь рождение поэтического гения, заключающееся в восстановлении божественности в человеке («дух Бога есть брат моего духа»⁹ [5. P. 30]), и дает понять, что воображение в мире Уитмена является главной творческой силой, обусловленной мистическим диалогом поэта со своей душой (что соответствует мысли М. Экхарта):

Тотчас возникли и простерлись вокруг меня покой и знание, которые отвечают
всем доводам земли¹⁰ [5. P. 30].

Мысль о том, что не рассудок, а воображение, как высшее знание, значимо в поэтическом акте, получает впоследствии «подтверждение и одобрение» в уитменовском стихотворении-прощании:

Может быть, ты само (воображение – И.Н.) теперь ведешь меня к истинным
песням¹¹ [5. P. 468].

⁶ Why do folks dwell so fondly on the last words <...> Those last words are not samples of the best, which involve vitality at its full, and balance <...> But they are valuable beyond measure to confirm and endorse the varied train, facts, theories and faith of the whole preceding life.

⁷ ...loose the stop from your throat

⁸ And parted the shirt from my bosom-bone, and plunged your tongue to my bare-stript heart.

⁹ ...the spirit of God is the brother of my own

¹⁰ Swiftly arose and spread around me the peace and knowledge that pass all the argument of the earth.

¹¹ May-be it is yourself now really ushering me to the true songs...

Уитменовская концепция воображения покоится не только на контакте с божественным через душу и на благоговейном осознании себя как самостоятельной личности, но и на осознании себя в мире природы. Этим обуславливается, по словам Уитмена, «великий составной элемент (*ego – И.Н.*) поэзии <...>, а именно: Материализм – Духовность» [Цит. по: З. Р. 80]. В эссе «Взгляд в прошлое на дороги, по которым путешествовал» Уитмен пишет об опыте, который, утверждают С. Брэдли и Г. Блоджетт, «питал его творческую силу и на время придавал ей некую самоотверженность, которая, казалось, вдохновлялась некой могучей силой вне его самого» [1. Р. xlix-1]. На способ приобретения этого опыта Уитмен указывает в стихотворении «Salut au Monde»¹², которое представляет собой весть поэта-пророка своим последователям. Суть его послания состоит в следующем: изучайте, как и я, свой внутренний мир до тех пор, пока не почувствуете, что он стал под стать чудесам мира природы:

Мой дух, преисполненный милосердия и решимости, облетел всю землю

 Вы, туманы, думаю, что поднимался ввысь с вами, уносился вдаль к другим
 материкам и опускался там для некой цели,
 Думаю, что дул вместе с вами, ветра;
 Вы, воды, вместе с вами обласкал я каждый берег,
 Я протекал с каждой рекой и проливом, что пронизывают весь земной шар¹³
 [5. Р. 126].

О «пророческом духе материи»¹⁴ [5. Р. 20] Уитмен говорит и в предисловии к пятому изданию своей поэмы: «В “Листьях травы” <...> я воплотил свои могущественные убеждения, приказы, которые отдавала мне природа, абсолютные и не допускающие возражений, как те, что заставляют море течь или земной шар вращаться»¹⁵ [6. Р. 647].

Душа поэта, странствуя в мире материальных вещей и впитывая их, обогащает себя зрением, слухом, осязанием, мыслями, сравнением, памятью¹⁶ [5. Р. 153]. Но утверждая себя таким образом в материальном

¹² В издании 1856 года это стихотворение называлось «Поэма приветствий» (*Poem of Salutations*).

¹³ My spirit has pass'd in compassion and determination around the whole earth,

You vapors, I think I have risen with you, moved away to distant continents, and fallen down there, for reasons,
 I think I have blown with you you winds;
 You waters I have finger'd every shore with you,
 I have run through what any river or strait of the globe has run through.

¹⁴ prophetic spirit of materials

¹⁵ ... in Leaves of Grass <...> I fulfilled in that an imperious conviction, and the commands of my nature as total and irresistible as those which make the sea flow, or the globe revolve.

¹⁶ My soul vibrated back to me from them, from sight, hearing, touch, reason, articulation, comparison, memory, and the like.

мире, она, по мысли Уитмена, «опирается <...> на себя самое»¹⁷ [5. P. 153]. Очевидно, такими словами Уитмен выражает свою веру в то, что вся физическая жизнь зависима и поддерживается бесконечной духовной сферой, о которой человеческое существо может иметь лишь интуитивное представление:

Истинная жизнь моих чувств и плоти превосходит мои чувства и плоть,
Мое тело не ограничено материей, мои глаза – физическим зрением,
Сегодняшний день показал мне необоснованность любых возражений на этот
счет,
ибо не материальные глаза, в конце концов, видят мир¹⁸ [5. P. 153]

Уитмен здесь иллюстрирует свою идею о провидце как необходимости развития внутреннего зрения с целью «узреть» внешний мир.

Осознание себя в контексте феноменальной природы означало для Уитмена включенность в общую, всеобъемлющую душу и, как следствие, максимальное расширение своего самосознания. На выражении самосознания – об этом свидетельствует лирическая форма стихов Уитмена – основывается его эстетика. Уитмен считает, что расширение самосознания равносильно воплощению идеи Воображения или, что то же самое, пробуждению поэтического гения: «... все глубинное самосознание, подобно доселе невиданному воображению, словно волшебными чернилами выводит дивные, светящиеся строки, обращенные к чувству»¹⁹ [4. P. 965].

Идея максимального расширения самосознания позволила Уитмену разрешить конфликт божественного предопределения и свободной воли художника в творческом акте, неизбежный в концепции воображения, связанной с посреднической функцией провидца. В «Листьях травы» нет ни малейшего намека на воспитание в себе пассивности с целью достигнуть видений. Уитмен неоднократно указывает на активную позицию поэта:

Ведь только теперь, после долгих лет целомудрия, дружбы, воспроизведения
потомства, благоразумия и прямоты,
После странствия по земле, борьбы с волнами на реках и озерах,
.....
После всего этого и много другого, возможно, попросту снизойдет <...>
божественная сила говорить слова²⁰ [5. P. 322].

¹⁷ ... my soul leaning <...> on itself...

¹⁸ The real life of my senses and flesh transcending my senses and flesh,
My body done with materials, my sight done with my material eyes,
Proved to me this day beyond cavil that it is not my material eyes which finally see.

¹⁹ ... the interior consciousness, like a hitherto unseen inscription, in magic ink, beams out its wondrous lines to the sense.

²⁰ For only at last after many years, after chastity, friendship, procreation, prudence, and nakedness,
After treading ground and breasting river and lake,
.....

After these and more, it is just possible there comes to a man, a woman, the divine power to speak words.

И тогда он, провидец, пророк и поэт, будет «служить Современности и Демократии – толковать им Бога и образы»²¹ [5. P. 8].

Библиографический список

1. *Bradley S.* The Growth of “Leaves of Grass”: Introduction // Whitman, Walt. Leaves of grass and other writings: authoritative texts, prefaces, Whitman on his art, criticism. New York: A Norton critical edition, 2002. xxvii-llii p.
2. *Feidelson Ch. F.* Whitman as Symbolist // Whitman: A Collection of Critical Essays. Ed. by Roy Harvey Pearce. Prentice-Hall, Inc. Englewood Cliffs, New Jersey, 1962. P. 80-88.
3. *Metzger Ch.R.* Thoreau and Whitman. A Study of their Esthetics Seattle: University of Washington Press, 1961. 185 p.
4. *Whitman W.* Complete poetry and collected prose. New York: Literary Classics of the United States, Inc., 1982. 1385 p.
5. *Whitman W.* Leaves of grass and other writings: authoritative texts, prefaces, Whitman on his art, criticism / Edited by Michael Moon. New York: A Norton critical edition, 2002. 919 p.
6. *Whitman W.* Preface 1872 – As a Strong Bird on Pinions Free // Whitman, Walt. Leaves of grass and other writings: authoritative texts, prefaces, Whitman on his art, criticism / Edited by Michael Moon. New York: A Norton critical edition, 2002. P. 647-652.
7. *Веселовский А.Н.* Историческая поэтика. М.: Высшая школа, 1989. 406 с.
8. *Спиноза Б.* О Боге, человеке и его счастье. Харьков: Фолио = Москва: АСТ, 2000. 400 с.
9. *Шлегель Ф.* Эстетика. Философия. Критика: [пер. с нем.]. В 2 т. М.: Искусство, 1983. Т. 1. 447 с.
10. *Экхарт М.* Избранные проповеди и трактаты / Пер. с нем. СПб.: Церковь и культура, 2001. 296 с.

²¹ ...mediate to the Modern, to Democracy, interpret yet to them, God and eidolons.